

Е.А. Черепнева, Н.А. Толмачев

Православие в Индонезии: история и этнокультурные особенности

Известно, что Индонезия — самая большая в мире мусульманская страна с более чем 220-миллионным населением, около 90 % которого исповедует ислам. В то же время Индонезию можно назвать и многоконфессиональной страной, ведь в ней более 20 миллионов последователей других религий — христиане, индуисты, буддисты, анимисты и прочие. Христианство пришло на Малайский архипелаг еще в XVI в., и в стране насчитывается значительное число католиков и протестантов, предки которых были обращены еще португальскими и голландскими миссионерами. В XX в. в результате деятельности американских и южнокорейских миссионеров появились последователи новых религий и сект. В самом конце века в Индонезию пришло и православие.

Возможно, точнее было бы вместо «пришло» сказать «возвратилось». По некоторым сведениям, в VII–VIII вв. в Баросе на Суматре проповедовали первые миссионеры из антиохийских (сирийских) христиан, но после того, как скончались последние представители духовенства, местные жители оказались в политической и географической изоляции от православия. Тем не менее в XI в. католический миссионер обнаружил здесь потомков христиан, которые сохранились, несмотря на прошедшие

почти три столетия. Из того раннего периода до нас не дошло ни одного письменного свидетельства, хотя предание сохранило имена трех местных епископов. Это были Мар Ябаллах, Мар Абдишо и Мар Дэнх [Халберт 2002: 31]¹.

По сведениям известного ученого-индонезиеведа, журналиста и писателя Л.М. Демина, в Бандунге² до конца 1950-х годов существовал православный приход русских эмигрантов, выходцев из Китая, находившийся в юрисдикции Харбинского епископата, но проповеди православия среди индонезийцев он не вел [Демин 1996: 17].

Основателем православной церкви в Индонезии стал архимандрит Даниил (Бамбанг Дви Бьянторо), индонезиец (яванец), родившийся в 1956 г. Он вырос в мусульманской семье, в ранней юности, будучи еще школьником, стал протестантом, и в 1983 г. первым из индонезийцев принял православие. Благодаря его активной проповеди церковь сейчас насчитывает около двух тысяч человек. Большинство общин находится на Яве, в том числе три в г. Соло (Суракарта), по одной в столице страны Джакарте и в городах Моджокерто и Чилачап, одна на о. Бали и две на Суматре, в городах Медан и Селак. Имеются шестнадцать священников и тринадцать храмов и часовен.

Отец Даниил перешел в православие в Сеуле, куда он приехал в 1978 г. и где обучался в протестантском Азиатском центре теологических исследований и миссий. Будучи поставлен в тупик наличием множества деноминаций и сект, он начал поиски древнего христианства Востока и в начале 1982 г. в одном из книжных магазинов Сеула случайно обнаружил книгу «Православная церковь» епископа Каллиста (Уэра). В ней он нашел ответ на многие свои вопросы и 6 сентября 1983 г. обратился в православие и был миропомазан. В том же году он отправился в Грецию и год провел в Афинах в православном монастыре Симона Петра на Афоне. Затем он окончил богословские курсы в Бостоне (США) при православной греческой семинарии Святого Кре-

¹ Православный американец Томас Халберт несколько лет живет в Москве, у него русская жена Софья, он ведет миссионерскую работу и оказывает посильную помощь индонезийским семинаристам и другим православным индонезийцам, приезжающим в Москву, через созданный им Фонд помощи православным студентам-индонезийцам.

² В статье Е.А. Черепневой (см. ниже) ошибочно указана Джакарта.

ста и получил степень доктора социологии в университете штата Огайо. В 1988 г. был рукоположен в священники епископом Питтсбургским Максимом (Агиоргусисом), и в том же году вернулся на родину.

Проповедь православия была начата им в 1988 г. на Яве, в его родном городе Моджокерто, где он обратил в православие членов своей семьи, затем он переехал в г. Соло, где в 1990 г. был создан первый приход. Кроме миссионерской деятельности в окрестных деревнях и занятий по изучению Библии, о. Даниил организовал годичный курс по изучению основ православия в университете г. Соло. Он записал свои лекции на кассеты и распространил их по стране. Он также привез в Индонезию богослужебные книги, переводил на индонезийский и яванский языки литургические тексты и стал использовать их при богослужении.

Для того чтобы получить легальный статус, православное движение было оформлено под названием *Yayasan Dharma Tuhu* (Общество прямого учения), но поскольку название звучало слишком индуистски, было переименовано в *Yayasan Orthodox Injili Indonesia* (Индонезийское православное евангелическое общество — ИПЕО). В 1991 г. созданная о. Даниилом Индонезийская православная община была юридически признана — зарегистрирована Министерством по делам религий в рамках Протестантской секции Министерства. Первые два года приходы не входили официально ни в какую юрисдикцию, хотя тесно сотрудничали с Питтсбургской епархией, оказывавшей значительную помощь в становлении молодой общины, которая затем вошла в состав Митрополии Гонконга и Юго-Восточной Азии Константинопольского патриархата.

С 1997 г. в Индонезии усилились нападки мусульман на христиан; это коснулось и православных. По их инициативе с целью смягчить ситуацию 5 сентября 1998 г. был проведен семинар в г. Сурабае, организованный при поддержке Комитета по изучению православия (Сирийская православная церковь) на тему «Перспективы христианско-исламской дружбы в Индонезии». Но в 1999 г. исламский конгресс в г. Соло призвал правоверных разрушать христианские храмы в этой местности. На расположенном к востоку от Явы о. Ломбок и во многих других местах храмы, дома, предприятия христиан были разрушены.

Из-за угрозы расправы христианское духовенство, в том числе о. Даниил, было вынуждено оставить свои дома. В начале 2000 г. во время встречи о. Даниила с Абдурахманом Вахидом, лидером крупнейшей мусульманской организации «Нахдатул Улама» и тогдашним президентом страны, последний выразил свое уважение и поддержку православному сообществу Индонезии. Тем самым преследования не могут считаться санкционированными. О необходимости толерантности и недопустимости религиозной вражды говорил и нынешний президент страны Сусило Бамбанг Юдхойоно, выступая 6 декабря 2004 г. на Межконфессиональной встрече религиозных лидеров Индонезии, в которой принимал участие и представитель Православной церкви.

Православная церковь стремится в своей миссионерской деятельности учитывать этнокультурные особенности Индонезии, а также тот факт, что проповедь православия ведется в стране, в которой мусульмане — большинство. О. Даниил, родившийся и выросший в мусульманской семье, талантливо ведет проповедь православия в мусульманской среде, сопоставляя ислам и христианство. Он сам обратился в христианство, прочитав в Коране, что Христос — «Слово от Бога» (3, 45) и осознав, что Единство Христа и Бога подобно единству «Речи» и «Говорящего» [Даниил: 5]. Он обладает огромным талантом проповедника (достаточно вспомнить, что он еще в юности обратил в православие своего деда-мусульманина) и имеет большой опыт миссионера (он сам отмечает, что его паства, особенно в период создания первых приходов, связывает православие прежде всего с его личностью)³. В повседневной практике, подчеркивает он, необходимо сохранять с мусульманами добрые отношения.

О. Даниил считает, что православие не должно выглядеть как одна из новых религий, поэтому стремится использовать

³ Иеромонах Иоасаф, индонезиец, выпускник православной Белгородской семинарии, настоятель первого миссионерского прихода Московской патриархии в Джакарте, который был открыт в 2003 г., в беседе с одним из авторов осенью 2004 г. в Москве сказал, что о. Даниил когда-нибудь будет прославлен в лике равноапостольных святых и должен быть прославлен не с именем Даниил, а с индонезийским именем Бамбанг, подобно тому, как были прославлены персидские, грузинские и другие святые.

местные обычаи и элементы местной культуры (в частности, яванской, балийской, суматранской, а также китайско-индонезийской, тем более что в Индонезии ничего не слышали ни о Византии, ни о русском православии). «Существует греческое православие, русское православие, я хочу, чтобы было индонезийское православие», — пишет о. Даниил [Черепнева: 239]⁴. Это касается церковного обряда, иконографии и храмовой архитектуры.

Так, чтобы противостоять обвинениям мусульман в том, что православие — западная религия, чтобы показать, что у них общие семитские корни, что православие унаследовало религию Авраама, в проповедях употребляется много слов и выражений на иврите, в частности приветствие «*Шолом алейхем бе-шем ха Машиах*» — «*Мир вам во Христе!*» — как соответствующее исламскому приветствию «*Ас-саламу алейкум ва рахматуллахи ва баракатух*». Произнося в своих проповедях слова «Господь», «Бог», он использует не только индонезийское слово «*Tuhan*», но и арабское «Аллах».

Известен мусульманский символ веры: «*Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммад пророк Аллаха*». Прочитав эту фразу по-русски, можно сделать вывод, что Бог и Аллах это разные существа, хотя, как известно, приверженцы так называемых авраамических религий — иудеи, христиане и мусульмане — поклоняются Единому Богу. При этом следует обратить внимание, что в русском языке имена Бога, эпитеты и заменяющие их местоимения пишутся с прописной буквы, в отличие от всех других богов и идолов, где слово «бог» пишется со строчной, а имя собственное этого бога — с прописной, например, бог Гименей. Если прочитать мусульманский символ веры по-арабски в русской транскрипции, он будет выглядеть следующим образом: «*ля лаху илля ллах ва мухаммад расулю ллах*». Можно легко заметить, что здесь три раза повторяется слово «*лах*», причем в первом случае с падежным окончанием «*у*» и два раза — в форме «*ллах*» (с артиклем). В русском же «перевод» один раз слово «*Бог*» и два раза слово «*Аллах*», при этом слово «*Бог*» с прописной означает «*Единого Бога*». Возникает резонный вопрос,

⁴ Эти и некоторые другие данные взяты из переписки Е.А. Черепневой с о. Даниилом по электронной почте.

почему один раз слово перевели, а два раза транскрибировали? В этом-то и заключается ошибка самого известного перевода мусульманского символа веры. Первая из двух букв «л» означает определенный артикль, который персонифицирует следующее за ним существительное и в данном случае соответствует прописной букве в русском языке (в арабском языке нет прописных и строчных букв), то есть первое слово «*лах*» означает «*бог*», а «*ллах*» — «*Бог*». Таким образом, правильный перевод должен быть таким: «**Нет бога кроме Бога и Мухаммад посланник Бога**», что означает отказ от поклонения иным богам кроме Бога Единого и признание Мухаммада Его пророком, а не противопоставление двух «Единых Богов», один из которых называется Богом, а другой Аллахом. А это ошибка не только лингвистическая, но и догматная.

О. Даниил не допускает такой ошибки и не устает подчеркивать, что православные верят в Единого Бога, как и мусульмане, напоминает, что Бог — один. При этом, ссылаясь на библейские тексты, он часто использует слово *Allah* в качестве эквивалента слов «Бог», «Господь», «Отец». Например «дар Божий» — *karunya Allah*, «мир в Господе» — *damai di dalam Allah*, «поклоняться Отцу» — *menyembah Allah*. В то же время в качестве синонима слова «*Allah*» он употребляет и слово *Tuhan*. Говоря о Божественности Иисуса, О. Даниил употребляет выражение *ke-Tuhan-an Yesus*, о Божественном откровении — как выражение *wahyu Tuhan*, так и *wahyu Allah (illahi)*, о Духе Святом — как *Roh Kudus*, так и *Roh Allah* («Дух Божий»), о Царствии Божиим — *Kerajaan Allah* и т.д.

О. Даниил старается, насколько это возможно, воцерковить элементы индонезийской культуры. Во время богослужения прихожане-яванцы сидят на ковриках, мужчины и женщины отдельно. Это правило корреспондирует как с нормами ислама, так и с восточными традициями вообще. В то же время следует напомнить, что по православным канонам, которые сейчас соблюдаются только в монастырях, мужчины должны стоять в правой половине храма, а женщины — в левой. Женщины — в традиционных покрывалах (*kerudung*), что тоже совпадает с традициями ислама и православия. Перед входом в храм снимают обувь, совершают омовение. Суточный круг богослужения разделен на несколько отдельных служб. Это сделано для того,

чтобы обеспечить некоторую «реабилитационную» преемственность для людей, обратившихся из ислама, — ведь они по мусульманской традиции привыкли молиться пять раз в день. (В православном богослужении по уставу в сутки совершаются следующие службы: вечерня, повечерие, полунощница, утренняя, 1-й, 3-й, 6-й, 9-й часы, Божественная Литургия, которые в древности тоже были между собой разделены по времени, а сейчас объединяются и, как правило, кроме особых праздников, распределяются на две службы – утреннюю и вечернюю).

Во время церковных праздников храм украшают молодыми листьями кокосовой пальмы. Суточный круг богослужения сравнивается с пятикратной молитвой в исламе или трехкратной молитвой у индуистов и буддистов. После совершения православного таинства венчания полностью проводятся и местные церемонии бракосочетания: традиционная яванская, балийская или китайская (но не мусульманская). Поминавшие усопших также легко воспринимается православными индонезийцами как традиционное поклонение предкам. На поминальных трапезах в качестве колива (кутья) подают уложенный горкой рис, как это принято и на традиционных ритуальных трапезах. Богослужебные облачения для священников изготавливаются на фабрике *батика* (традиционный метод окраски тканей).

Система поста сопоставляется с вегетарианством, которое практикуется в определенных ситуациях в религиозной практике китайцев, а также всех буддистов и индуистов. По завершении Великого поста после праздничной литургии в храме на разговенье устраиваются совместные трапезы. Такие же трапезы бывают и во время других праздников. Подобная традиция опять-таки характерна как для ислама (например, праздник Курбан-байрам), так и для других религий Индонезии.

Поклонение иконам и святым мощам, почитание *агиасмы* (освященной, или святой воды) также легко входит в сознание индонезийцев, если в их прежней религии была подобная традиция. На Бали, когда индуисты обращаются в православие, православные священники сохраняют места, где они молятся, служат там молебен и окропляют их святой водой. На месте поклонения Тримурти (триада Брахма — Шива — Вишну) устанавливают икону «Троицы» Андрея Рублева, место, где прежде

молились богу-творцу (в балийской мифологии — *Дэва Пекаранган*) освящают иконой «Ангела-хранителя», а где отправляли культ предков, ставят икону «Всех святых» и т.д. В ответ на наш вопрос, сколько времени миссионерского труда потребовалось, прежде чем изображение Тримурти могло быть заменено иконой «Троицы», о. Даниил ответил: «Примерно три года» [Черепнева 2003: 240]. В богослужебной практике православной церкви в Индонезии используются и другие местные элементы, даже иконография и храмовая архитектура успешно вбирают в себя элементы индонезийской культуры.

Таким образом, мы видим, что многие традиционные для многих религий формы: пост, воздержание, совместная трапеза, почитание усопших, поклонение реликвиям — успешно преобразованы и приобрели христианское, православное содержание. Подобное наблюдается у православных и в других странах, можно вспомнить, например, нашу Масленицу. При этом, как подчеркивает о. Даниил, очень важно, чтобы православные индонезийцы в духовном плане были более ориентированы на Священное писание непосредственно, нежели на жития и деяния святых, поскольку некоторые новообращенные могли бы воспринять почитание святых как культ предков, культ духов [Сердце 2002: 5]. Поэтому он старается в большей степени выделить значение Священного писания, хотя в проповедях, посвященных дням памяти святых, он подчеркивает их духовный подвиг и духовный пример.

Используются и иные формы воздействия на верующих. Например, очень близки рождественскому *вертену* (большой ящик, изображающий пещеру, с марионетками для устройства кукольных представлений на библейские сюжеты) представления *ваянг кулит* (традиционный кукольный театр теней) на тему «Воскресение Иисуса Христа». О. Даниил подумывает и об использовании традиционных форм яванско-балийских танцев, например, для «Танца Давида и Голиафа», символизирующего борьбу добра и зла, или «Танца Иуды Искариота», символизирующего возможность грехопадения человека, а также и о других элементах культуры Индонезии, которые обрабатываются с тем, чтобы придать им православные черты. О. Даниил думает и о том, как бы совместить с праздником Пасхи традицию китайского новогоднего шествия со своей своеобразной музыкой,

чтобы его можно было провести после пасхальной литургии в качестве общественного (мирского) праздника [Черепнева 2003: 237].

Вся эта живая религиозная практика современной Индонезии, несмотря на ее самобытность и некоторую «экзотичность», тем не менее близка нам в силу понятности для нас православия.

Индонезийская православная церковь находится в процессе формирования, поэтому еще нет возможности тщательно рассмотреть ее особенности, но за эти два десятилетия уже обозначились как ее общность с Вселенским православием, так и некоторые специфические черты, имеющиеся в каждой из Поместных церквей.

Библиография

Архимандрит Даниил. История рождения Православной Церкви в Индонезии // <http://www.pravoslavie-islam.ru/indonezia.htm>

Демин Л.М. Русские в Индонезии // Индонезия, Малайзия: Сборник материалов по культуре Нусантары. СПб., 1996.

Сердце пророка: Беседа Томаса Халберта с первым православным священником-индонезийцем архимандритом Даниилом (Бамбанг Дви Бьянторо) // Фома. 2002. № 2 (14).

Халберт Т. Бамбанг Дви Бьянторо — православный индонезиец // Фома. 2002. № 2 (14).

Черепнева Е.А. Православная церковь в современной Индонезии: ее создание, развитие и межконфессиональное взаимодействие // Юго-Восточная Азия в 2002 году. М., 2003.

Черепнева Е.А. Переписка с о. Даниилом (Бамбангом Дви Бьянторо) по электронной почте.

Kallistos, Bishop of Diokleia. The Orthodox Church / By Timothy Ware. Baltimore: Penguin Books, 1964.

АНТРОПОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
